

НАШИ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Прогулки с иерусалимским гидом

Георгий МЕЛИКЯНЦ, «Известия», - 1994 - 2 ноября

Мне посчастливилось — моим гидом в Иерусалиме был Игорь Марков. Мы немного знакомы: он ставил оперы в Новосибирске, Ташкенте, Иркутске. В Израиле сначала работал в лесопосадочной бригаде, озеленял холмы вокруг города. И вот нашел новую стезю, причем популярности его немало способствовали связи с людьми русской культуры. С ним гуляли по Святым местам Смоктуновский, Евгений Леонов, Джигарханян...

Упустить такой случай, не расспросить — показалось невозможным. Рассказал Маркова я выделите то, что либо оставалось неизменным, по крайней мере для меня, в примелькавшемся характере, либо меняло взгляд на этот характер — неважно, согласен я с этим или не согласен.

Смоктуновский

— Каждый вкладывает в понятие «Святая земля» свое. И даже сама святость ее каждому видится по-своему. Жанна Бичевская, например, хорошо знает Библию, древнюю историю. Ей надо только показать что-то, назвать, остальное она досказывает сама.

Смоктуновский тоже, казалось, знает здесь все доподлинно, но ему... как бы это выразить... хотелось во всем этом проявить самому.

Сначала экскурсии и не предполагалось. Мне позвонили: «У Смоктуновского концерт через два дня, а он подзабыл текст. Нет ли у тебя Пастернака? Поскольку Смоктуновский для меня — один из тех кумиров, рядом с которым встать могли очень немногие, оказать ему услугу было подарком судьбы. Я приготовил первый том Пастернака, дождался десяти утра и позвонил. В ответ ученическим тоном: «Не вы ли звонили в шесть?» — «Это невозможно, я ведь знаю, что звоню к артисту». — «А кто-то позвонил, сказал: Кеша, сейчас я приеду, и не едет».

Через час мы встретились. Человек, назвавший его Кешей, встречался с ним, как оказалось, лишь однажды, лет двадцать назад. Он уже сидел в номере, шумно смеялся. Чтобы выручить Смоктуновского, я состроил кислую мину, сказал, что

нас уже давно ждут. Иннокентий Михайлович включился в игру мгновенно: да, да, извините... Тот человек вскинул: я пойду с вами! Но тут я встал горой...

Только отойдя на большое расстояние от отеля, Смоктуновский расхохотался. Так в первый и последний раз я сыграл этюд с самим Смоктуновским. Никакой фанатерии, ни малейшего намека на уровень приема, полагающийся великому артисту. Юмор, мягкость, простота. И благодарность за выручку.

Мы провели вместе два дня. Рядом не было никого. Ему захотелось, к примеру, в Вифлеем. Машины у меня тогда не было, я подошел к полицейскому: «Нужно подвезти Смоктуновского». Полиция здесь никого не подвозит, но парень видел «Гамлетта», и: «Хоть и нелзя, но садитесь».

Нас довезли до храма Рождества. И тут я вспомнил, что оставил в машине фотоаппарат. Казалось бы, оставил — пойдешь и возьми. Но не в Израиле — любой оставленный предмет может быть в Израиле бомбой. К счастью, обошлось благополучно, мой спутник был точно Смоктуновский, а Смоктуновский не мог оказаться террористом.

Пока я бегал в участок, Смоктуновский молился. Храм Рождества — самое, пожалуй, посещаемое место в Израиле. Но по особенной случайности, почти немислимой, именно в тот момент здесь было непривычно пусто. И я смог снять молящегося Смоктуновского. Потом, растроганный и возмущенный, он сказал: «Впервые ко мне отнеслись так тактично, оставили одного помолиться».

На обратном пути я остановил многоместное такси. Мы

сели сзади, остальные пассажиры были арабы. Черт дернул меня спросить об истории его ухода из БДТ и размолок с Товстоноговым. В свое время на такой же мой вопрос Товстоногов ответил, что удержать Смоктуновского в театре было невозможно. Он абсолютно индивидуален, с ним очень трудно даже элементарно составить расписание репетиций. Он настолько подчинен своей внутренней жизни, что ему театру приходилось подстраиваться под него. Пока шла работа над ролью князя Мышкина, это еще можно было терпеть. А вообще Смоктуновский не приспособлен для театра.

Я пересказал это своими словами. В ответ Иннокентий Михайлович стал громко жаловаться на то, как трудно ему было в БДТ. Например, стоит он за кулисами, к нему подходит актер (называет фамилию) и говорит: что ты тут стоишь, иди на сцену. Буквально выталкивает! И все это он показывает на мне. Пассажиры оглядываются: двое русских сейчас будут драться!..

Мы мало говорили об Иерусалиме, больше читали Пастернака, особенно его «Гемисманский сад». А потом был концерт — один из последних сольных концертов в его жизни. Иногда он забывал текст, тер лоб и говорил в публику: «От этой жары у меня мозга не работает». Мозга... И ему (кстати, как и Окуджаве) подсказывали из зала. Помнит он текст или нет — не имело значения. Только он сам, его личность!

Евгений Леонов

Он был здесь после операции на сердце, но все время пытался показать, что это никак не отражается на его самочувствии. И был тоже с сольными гастролями. Но если Смоктуновский читал Пушкина, Пастернака, Шекспира, то Леонов ничего не читал. Просто рассказывал о жизни, работе: его спрашивали, он отвечал. Я даже не могу более или менее точно припомнить, о чем именно он рассказывал. Это был набор как бы случайных воспоминаний. Он не очень заботился о том, что

бы быть занятным на сцене. Но зал настолько любил Леонова, что его захватывало все, держало в напряжении.

— Леонов как актер и являл собой безыскусность...

— Хотя мне иногда казалось, что это просто блестяще сыгранная простота. До него и после много актеров здесь, в Израиле, пытались продельвать то же самое. Привозили ролики, заготовленные репризы, подчас это была откровенная халтура, непристойная. Они полагали, что здесь все сойдет, поскольку это «их» публика, она по ним соскучилась. Ничего подобного! Я видел, как резко схлынуло число зрителей на таких концертах. Единственный, кому было позволено говорить вот так, как бы ни о чем, был Леонов. Делал он это блестяще. Его человеческое обаяние — не актерское — было настолько сильным, что от него требовалось всего лишь присутствие.

Это очень редкий случай. Он был здесь зимой, жили они с женой на частной квартире, в полуподвале. В Иерусалиме в тот год была жуткая, чудовищно холодная зима. Однажды позвонила Ванда Владимировна, его жена, попросила приехать: их жилище буквально заливают. Вода преследовала его; по дороге из какого-то городка он оказался в плену посреди огромной лужи, весь промок, дрожал... Но его всюду узнавали, помогали. Как-то я пытался остановить по его просьбе такси. Навстречу шел хасид, такой религиозный человек, ортодокс XVII столетия по костюму — музейный экземпляр. Он останавливается, поворачивается к нам и: «Здравствуйте, Леонов». — «Вы меня знаете?» — «Кто же вас не знает!» Я говорю, что иду такси. Он предлагает свою машину...

Я думаю, что Леонов не рассматривал людей, достопримечательности, явления с точки зрения их религиозного или национального значения. В Иерусалиме его интересовал сам город Иерусалим. Ему было интересно вообще гулять, разговаривать с людьми, останавливаться, где захочет. Одно расстраи-

вало: это было время, когда в Москве в магазинах не хватало продуктов. Леонов подолгу останавливался у витрин с продовольствием. Среди знаменитых, даже великих актеров Евгений Павлович был самым народным не по званию, а по существу. И невыносимо было видеть, что он — он! — должен думать о прозе жизни.

Джигарханян Фрейдлих и другие

Об Армене Борисовиче главное впечатление — очень сдержан. Неразговорчив. Умен в вопросах и задает лишь те из них, которые, по его мнению, не вызовут трудностей у собеседника. Жаль, что я их не записывал. При крайней экономии слов его интерес ко всему, что происходило вокруг, был написан на лице, в глазах. С ним у нас не было никаких приключений: спокойное, размеренное общение. Несомненно, огромный актер, но человек он, видимо, намного больше. Почему же, сыграв целый сонм ролей в кино и театре, Джигарханян не сыграл еще своей главной роли? Неужели во всей мировой драматургии не нашлось для него роли, равной ему по глубине трагического наполнения? Конечно, я знаю далеко не все в его творчестве. Но что-то должно случиться, что-то должно быть написано специально для него.

Я — профессиональный режиссер, знаю, как мы относимся к актерам, а актеры — к нам. Знаю, сколько режиссерской крови выпили актеры, сколько из нас не дожили из-за них положенного срока. Но работа гидом открыла мне еще и то, что в общении с актерами можно вообще не зависеть друг от друга. Алиса Фрейдлих, кажется, даже не знала, кто я. Она приехала со Стрельчиком, и в отличие от других они играли спектакль. Не было декораций, света, все было приспособлено к походным условиям, но все-таки это был спектакль.

Стрельчик приехал во второй раз, и я понимал: ему хотелось показать Алисе Бруновне

страну такой, какой он ее видел сам. Он говорил больше меня, рассказывал, показывал, ему нравилась роль экскурсовода. Фрейдлих его останавливала, сердилась, где-то играла, что сердилась, и в этом проглядывалась обволакивающая тактичность ее души. Он останавливался, умолкал, но потом все начиналось сначала.

Когда мы подошли к церкви Марии Магдалины, что на Масличной горе (а там строгий режим посещения, поскольку это территория женского православного монастыря), я пожалел, что сегодня неурочный день и нас туда не пустят. Года полтора назад мы оказались в точно такой ситуации с Ильей Глазуновым: он даже предположить не мог, что его не пустят, а — не пустили. Фрейдлих говорит: «Вы не знаете Стрельчика, он что-нибудь сделает». И Владислав Игнатьевич начинает шептаться с монашкой у ворот. Через пять-шесть минут она сказала: ладно, заходите. За три года работы такого случая при мне больше не было. Он взял чистым объяснением.

Но, как вы догадываетесь, люди попадают разные. Один из самых известных эстрадных певцов России с двумя увесистыми крестами на груди спросил меня, когда мы подошли к храму Гроба Господня: а Иисус Христос и сейчас здесь лежит? Допустить, что он не слышал о вознесении Христа! Рядом был Андрей Макаревич, его скрутило от этого вопроса. Мне казалось, что он никак не может отдышаться.

К счастью, это редчайшие случаи. Сказать правду, я иногда задумываюсь, как плохо все мы знаем древнюю историю. Иные люди, приезжая на Святую землю, толком не знают, почему она Святая. Но незнание истории простирается и на наше время. Один из гостей, увидев памятник Янушу Корчаку в музее Яд-Вашем, признался, что о Корчаке даже не слышал. Поначалу я решил, что он неудачно шутит... Слава Богу, больше не спрашивают о дереве, посаженном в честь Шиндлера, — после фильма Спилберга...